

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Научная статья / Research Article

УДК 903.3

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-02)

EDN: VOPRNP

ЖИЛИЩЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ НА ПОСЕЛЕНИИ ПОМОРЦЕВО-2 (КУЗНЕЦКАЯ КОТЛОВИНА)

**Владимир Васильевич Бобров^{1*}, Любовь Николаевна Ермоленко²,
Алексей Геннадьевич Марочкин³, Алёна Викторовна Щербакова⁴,
Алёна Юрьевна Юракова⁵**

¹Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия;
bobrov4545@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-0390>

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
lyubov.ermolenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

³Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия;
comcon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

⁴Кузбасский государственный краеведческий музей, Кемерово, Россия;
sherbackova.al@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6882-424X>

⁵Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия;
yurakova_al@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2548-2459>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье рассмотрены результаты раскопок раннесредневекового поселения Поморцево-2, расположенного в левобережной части бассейна р. Иня на юго-востоке Кузнецкой котловины (Беловский муниципальный округ Кузбасса). Одним из результатов полевых работ является исследованное жилище с фрагментами сгоревший деревянной конструкции, содержащее два археологически целых раннесредневековых сосуда. Дана реконструкция жилого сооружения, представлявшего собой неглубокий котлован подпрямоугольной формы, с легкой каркасной кровлей конической или многоугольной формы и специально оборудованным входом. Что же касается культурной и хронологической атрибуции, то комплекс отнесен к раннему эта-

пу верхнеобской археологической культуры и датирован V — концом VI / началом VII в. Хронология подтверждена методом радиоуглеродного датирования по образцу древесного угля. В теоретико-методическом аспекте показана особенность изучения поздних жилищ на древних поселениях с культурным слоем компрессионного характера. Актуальность исследования определяют недостаточная изученность поселений начала 2-й половины I тыс. н.э. на территории Кузнецкой котловины; дискуссионность культурной принадлежности ранних комплексов средневековья лесостепного Приобья. В настоящее время поселение Поморцево-2 пока является единственным поселением, содержащим остатки жилища, которое достоверно можно соотносить с ранним этапом верхнеобской культуры, вероятно, ее кузнецкого варианта.

Ключевые слова: керамика, поселение, одинцовская культура, верхнеобская культура, раннее средневековье, Кузнецкая котловина, лесостепное Приобье

Благодарности: исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН №АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Авторы выражают благодарность к.б.н. С.С. Онищенко за проведенные первичные видовые определения остеологических материалов.

Для цитирования: Бобров В.В., Ермоленко Л.Н., Марочкин А.Г., Щербак ова А.В., Юракова А.Ю. Жилище раннесредневекового времени на поселении Поморцево-2 (Кузнецкая котловина) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №4. С. 27–42. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-02)

EARLY MIDDLE AGES DWELLING ON THE POMORTSEVO-2 SETTLEMENT (KUZNETSK HOLLOW)

Vladimir V. Bobrov^{1*}, Lyubov N. Ermolenko², Aleksey G. Marochkin³, Alyona V. Shcherbakova⁴, Alyona Yu. Yurakova⁵

¹Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia;
bobrov45@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-0390>

²Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;
lyubov.ermolenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

³Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia;
comcon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6757-0775>

⁴Kuzbass State Local History Museum, Kemerovo, Russia;
sherbackova.al@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6882-424X>

⁵Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia;
yurakova_al@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2548-2459>

*Corresponding Author

Abstract. The article deals the results of the Pomortsevo-2 settlement excavations on the left bank part of the river Inya basin in the south-east of Kuznetsk hollow (the Belovo municipal district). One of the results of the field work is a dwelling with fragments of burnt construction containing 2 archaeologically complete Early Middle Ages vessels. A reconstruction of a dwelling was done which was a not deep pit of a rectangular shape with a light framed conical or multi-angular roof and a specially fitted entrance. As for cultural and chronological attribution, the assemblage is attributed to an early

stage of the Upper Ob region archaeological culture and dated with 5th — Late 6th / Early 7th centuries. The chronology has been proved with C14 dating of a sample from a charcoal. In terms of theoretical method, it shows the specifics of late dwellings in ancient settlements with compressed archaeological layer. The urgency of the research comes from a lack of knowledge about the settlements of the second half of the I millennium AD on the territory of Kuznetsk hollow; uncertain cultural attribution of the early assemblages of the Middle Ages in forest-steppe Ob region. At present time, Pomortsevo-2 settlement is still a sole settlement which can be for sure associated with the early stage of the Upper Ob region culture, probably, its Kuznetsk variant.

Keywords: Ceramics, settlement, Odintsovo culture, Upper Ob culture, Early Middle Ages, Kuznetsk hollow, forest-steppe Ob region

Acknowledgement: the research has been conducted in order to accomplish the State assignment of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences №AAAA-A21-121012090006-0 “Social and Cultural Genesis and Trans-Border Interaction of Ancient and Middle Ages Societies in the Contact Zones of Western and Middle Siberia”.

The authors acknowledge the Doctor in Biology S.S. Onichshenko for primary species definition of the osteological materials.

For citation: Bobrov V.V., Ermolenko L.N., Marochkin A.G., Chsherbakova A.V., Yurakova A.Yu. Early Middle Ages Dwelling on the Pomortsevo-2 Settlement (Kuznetsk Hollow). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(4):27–42. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-02)

Введение
В бассейне Верхнего Приобья Кузнецкая котловина представляет собой своеобразный географический район, так как она является частью Кузнецко-Салаирской горной области и граничит с открытыми пространствами приобской лесостепи. Археологически установлено, что процессы культурно-исторического развития на территории Кузнецкой котловины имели локальную специфику по крайней мере с эпохи поздней бронзы (Бобров, 1992). В этом аспекте специалисты исследуют более поздние историко-хронологические периоды в котловине, но в контексте процесса культурогенеза на всей территории верхнеобской лесостепи. Среди этих периодов наименее изученными до настоящего времени остаются так называемый скифский и начальный этап средневековья. До недавнего времени такой же незаполненной страницей древней истории являлся хунно-сяньбийский период, основу знания о котором сформировали исследования Ю.В. Ширина (2003).

Что же касается 3-й четверти I тыс. н.э., то в отличие от Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья памятники этого времени на территории Кузнецкой котловины исследованы в меньшей степени. Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков (1998, с. 81–82), анализируя верхнеобскую археологическую культуру, отмечают, что в ее кузнецком варианте пока не известны памятники раннего этапа, а также поселения. С другой стороны — в археологическом изучении первого этапа раннего средневековья верхнеобского региона, включая Кузнецкую котловину, нет однозначного отношения к культурной принадлежности памятников: одинцовская культура (В.В. Горбунов, А.А. Казаков), одинцовский этап верхнеобской культуры (Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков, Л.М. Плетнева, О.А. Беликова, А.С. Васютин), релкинская культура (Л.А. Чиндина — памятники Томского Приобья), саратовская культура (А.М. Илюшин — памятники Кузнецкой котло-

вины). Проблематичной остается хронология начальной стадии раннего средневековья, несмотря на позитивные изменения в решении этой задачи относительно знаний, сформировавшихся к последним десятилетиям XX в., которые представлены Т.Н. Троицкой (1981, с. 101–103) в историографической справке к опубликованным результатам исследования одинцовских памятников Новосибирского Приобья. Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что на территории Кузнецкой котловины исследованы преимущественно погребальные памятники, поселения единичные. А.М. Илюшин (2005, с. 82) относит к рассматриваемому времени четыре поселения, констатируя, что их раскопки не позволяют реконструировать жилища.

Рис. 1. Схема расположения поселения Поморцево-2 на карте Верхнего Приобья (1) и окрестностей Беловского водохранилища

Fig. 1. Plan of the Pomortsevo-2 settlement on the map of the Upper Ob River region (1) and suburbs of Belovo reservoir (2).

Приведенное в сжатом формате проблемное состояние археологических исследований первого этапа раннего средневековья, особенно на территории Кузнецкой котловины, актуализирует его новые источники, придает им теоретическое и практическое значение, как в фундаментальных, так и полевых исследованиях. Одним из таких источников являются материалы раскопок поселения Поморцево-2.

Памятник расположен в Беловском муниципальном округе Кемеровской области — Кузбасса (лесостепные юго-восточные районы Кузнецкой котловины) (рис. 1). Он занимает западную оконечность мыса первой надпойменной террасы левого берега р. Ини, образуемого небольшой излучиной русла и устьем ее левобережного притока — р. Салаирка. В настоящий момент подножие террасы подтоплено водами Беловского водохранилища. Первоначальную высоту террасы установить сложно, но прибрежная геоморфология р. Ини достаточно хорошо выражена: правый берег с коренными бортами намного выше, чем левый, для которого характерны высокие поймы или низкие надпойменные террасы.

Поверхность всего мыса, свободная от деревьев и кустарников, имеет слабый уклон к востоку. Памятник занимает относительно ровный участок, с небольшим понижением к северо-западу. На современной дневной поверхности хорошо видны пять западин от углубленных в землю сооружений, расположенных вдоль береговой линии.

Поселение Поморцево-2 выявлено в 1997 г. Ю.В. Шириным. По материалам подъемных сборов он определил разновременность культурных комплексов поселения, наиболее ранний из них он отнес к энеолиту. Вторично памятник обследовал В.Н. Жаронкин в 2004 г. В шурфе, заложенном к югу от западины №1, были обнаружены фрагменты керамической посуды, принадлежность которой он определяет крохалевской культурой периода ранней бронзы. В 2016 г. А.Г. Марочкиным проведены раскопки, результаты которых подтвердили разновременность материалов памятника, поставив вопрос о выделении на нем поселенческого комплекса эпохи средневековья. В 2017 г. в краткой работе предварительного характера были опубликованы некоторые характеристики изученного средневекового комплекса, включая описание керамики (Марочкин и др., 2017, с. 81). В предлагаемой статье приводится полный анализ комплекса, развернутая аргументация его культурно-хронологической атрибуции и археологической специфики, а также наблюдения методического характера.

Материалы и методы исследования

Выбор площади исследования был подчинен решению задач по изучению специфики культурного слоя, стратиграфии, конструктивных особенностей сооружения, а также получению информативных данных о культурно-хронологической принадлежности комплекса. Раскоп №1 (42 м²) включал западину от жилища №1 и близлежащую площадь. Раскоп №2 (6 м²) заложен южнее, между западинами №2 и №3. Раскопки проводились с применением методов трехмерной пространственной фиксации всех индивидуальных находок и элементов конструкции, с последующим стратиграфическим и планиграфическим анализом. Особое значение этой методической процедуре придавалось при исследовании периферии жилищного пространства с целью выявления уровня возведения сооружения. Полученная коллекция керамики классифицирована по морфологическим признакам, для выделенных групп предложена хронологическая

и культурная атрибуция. Проведены палеонтологические исследования костей животных и датировка жилого сооружения естественно-научным методом.

Культурный слой имеет компрессионный характер. Всего обнаружено 13 костей животных, 20 предметов каменной индустрии, 84 фрагмента керамической посуды. Керамика подразделяется на четыре условных группы: 1 — периода неолита — ранней бронзы (орнамент из наклонных оттисков гребенки и нанесенных поверх них рядов-разделителей из тонких «ногтевых» вдавлений); 2 — периода поздней бронзы (характерный для ирменской культуры декор из «жемчужника» и небольших овальных наколов), 3 — периода раннего средневековья; 4 — без орнамента и других атрибутивных признаков культурно-хронологической принадлежности. Вся ранняя керамика и предметы каменной индустрии залегали в культурном слое за пределами жилища, за исключением единичных предметов.

Керамика раннего средневековья представлена фрагментами от двух сосудов. Они залегали в углублении жилищного пространства, но имели разную стратиграфическую позицию относительно остатков сгоревшей и упавшей кровли.

Рис. 2. Раннесредневековая керамика поселения Поморцево-2

Fig. 2. The Early Middle Ages ceramics from the Pomortsevo-2 settlement

Сосуд №1 (рис. 2.-1) — предположительно круглодонный широкогорлый, с четко профилированной шейкой, плавно переходящей в округлое тулово. Орнаментирована верхняя треть сосуда. Срез венчика уплощен и декорирован оттисками гребенчатого штампа. Венчик утолщен за счет округлого в сечении налипного валика, украшенно оттисками гребенки. Под валиком оттисками гребенчатого штампа образованы две горизонтальные линии. Первую перекрывает «жемчужник». Ниже расположен орнаментальный пояс, заполненный двойным зигзагом. Пояс обрамляют также две линии из оттисков гребенчатого штампа. Завершают орнаментальную композицию два ряда

отступающих оттисков уголка лопаточки. Фрагменты этого сосуда залегали на дне котлована, ниже уровня остатков сгоревшей кровли.

Над уровнем остатков сгоревшей кровли залегали фрагменты сосуда №2 (рис. 2.-2). Этот сосуд, полностью реконструированный, представляет собой низкую чашу с выпуклым дном, диаметр устья которой (28 см) значительно превышает высоту (11 см). Венчик чаши орнаментирован горизонтальным рядом круглых ямок.

К раннесредневековому комплексу поселения с наибольшей вероятностью принадлежат и немногочисленные фрагменты костей животных, найденные в заполнении жилища (определения к.б.н. С.С. Онищенко). Двумя фрагментами верхних левых коренных зубов (премоляров) представлена молодая особь лошади, возрастом не менее 2,5 года. Фрагмент нижней челюсти (резцовой части) также принадлежит лошади возрастом не менее 3,5 года. Наконец, обнаружен плохой сохранности фрагмент тазовой кости лошади (возраст не определим).

Описание остатков жилищной конструкции. Нижние горизонты заполнения котлована, непосредственно у дна, содержат углистые, сажистые и прокаленные включения от сгоревшего перекрытия (рис. 3). Зафиксированы обугленные остатки тонких жердей, образующих несколько разнонаправленных скоплений и одиночных фрагментов. Помимо этого, на этом же уровне зафиксированы остатки трех прокаленных при горении жердей участков почвы мощностью до 0,06 м.

Имеет смысл описать детально расположение остатков сгоревших жердей, так как эти данные существенны для умозрительной реконструкции сооружения.

- В кв. Е/2-3, непосредственно на плечике юго-восточного угла жилища параллельно залегали фрагменты двух жердей, направленных по оси ЮЮЗ–ССВ. Длина фрагментов от 0,32 до 0,36 м.
- Немногом севернее, в кв. Е/3, обнаружены еще два продолговатых фрагмента двух жердей, длиной от 0,16 м до 0,28 м, ориентированных по оси ЮЮВ–ССЗ.
- К западу от них, в кв. Д/3, — два продолговатых фрагмента длиной до 0,2 м, ориентированных по оси ЮЗ–СВ.
- В кв. Г-Д/2-4 обнаружены купные продолговатые фрагменты как минимум от пяти жердей, ориентированных длинной стороной в диапазоне ЮЮВ–ССЗ/С–Ю. Длина фрагментов достигает 0,7–1 м.
- Предыдущее скопление в кв. Г-Д/3-4 перекрыто остатками двух жердей, уложенных по оси З–В. Длина фрагментов от 0,36 до 0,96 м.
- В кв. В/2-3 залегали остатки одной жерди, ориентированной по оси ЮЮЗ–ССЗ. Общая длина этого скопления — до 1 м.
- В 1,6 м севернее, в кв. В/4, обнаружены два небольших куска обгоревшей древесины, ориентированных по оси ЮЗ–СВ, длиной до 0,36 м.
- У западной стенки, в кв. Б-В/3-4, обнаружены остатки обугленных жердей, образующие некую систему. Она характеризуется остатками как минимум трех жердей длиной 0,92–1,04 м, выложенных параллельно по оси З–В на расстоянии 0,32–0,36 м друг от друга. Западные концы этих жердей перекрыты остатками одной жерди, уложенной строго по оси С–Ю, т.е. перпендикулярно предыдущим фрагментам. Длина этого фрагмента достигает 0,6 м.

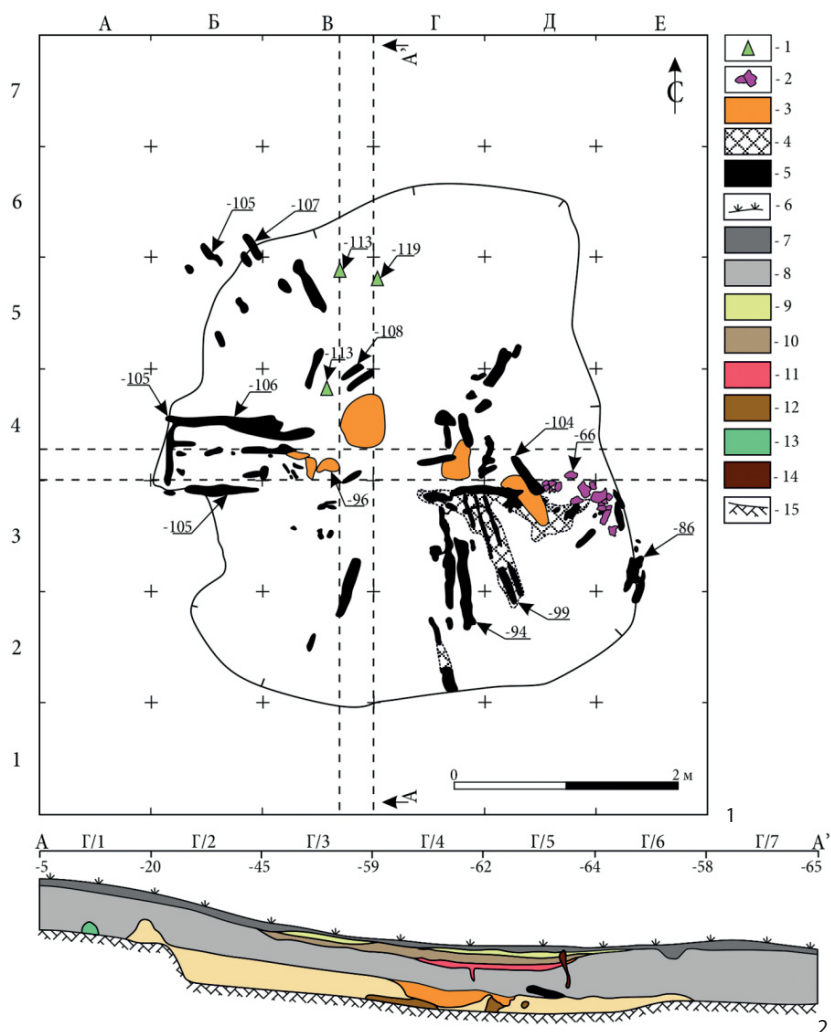

Рис. 3. План (I) и профиль (II) остатков жилища №1 на поселении Поморцево-2:
 1 – фрагменты сосуда №1; 2 – фрагменты сосуда №2; 3 – участки прокаленного грунта с белесыми включениями; 4 – области, насыщенные углистыми и сажистыми включениями;
 5 – остатки сгоревшего деревянного каркаса; 6 – современная дневная поверхность;
 7 – дерн; 8 – гумус; 9 – современная яма с обожженным мусором; 10 – золистая прослойка;
 11 – прокаленная линза; 12 – сажистая прослойка; 13 – норы; 14 – корень; 15 – светло-коричневый суглинок

Fig. 3. Plan (I) and profile (II) of the dwelling 1 remains on Pomortsevo-2 settlement:
 1 – fragments of the vessel No. 1; 2 – fragments of the vessel No. 2; 3 – sectors of baked soil with whitish inclusions;
 4 – areas with many carbon-like and soot-like inclusions; 5 – remains of burnt wooden construction;
 6 – modern day surface; 7 – sod; 8 – humus; 9 – modern pit with burnt waists; 10 – ash layer;
 11 – burnt lens; 12 – soot-like layer; 13 – animal holes; 14 – a root; 15 – light-brown clay loam

- Наконец, на уровне северо-западного плечика жилища в кв. Б-В/5-6 обнаружены фрагментированные остатки пяти жердей, уложенных по оси СЗ–ЮВ, параллельно друг другу с интервалом 0,2–0,4 м.

В центральной части котлована, также в нижних горизонтах его заполнения, был обнаружен еще один участок прокаленной почвы, округлый в плане, размером 0,48×0,4 м, мощностью до 0,2 м.

После выборки заполнения окончательно обозначилась подпрямоугольная форма котлована, ориентированного по сторонам света (рис. 4). Прямоугольные очертания лучше выражены в восточной части, тогда как западная стенка имеет закругленные углы и осложнена своеобразным вдающимся в котлован выступом. Длина котлована по оси С–Ю достигает 4,5 м, ширина по оси З–В до 4 м.

Рис. 4. Виды жилища №1 на поселении Поморцево-2 после выборки заполнения

Fig. 4. Types of dwelling 1 on Pomortsevo-2 settlement after emptying

Стенки крутые, но не отвесные. Западная стенка более пологая. Дно ровное, но имеет легкий уклон к северу, по мере общего падения «материкового» уровня. У южной стенки котлован углублен в материк на глубину до 0,35 м, у северной — на глубину не более 0,1 м.

Образцы древесного угля из остатков перекрытия отобраны для *радиоуглеродного датирования*, проведенного в Институте мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск) жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus. Получена дата ИМКЭС-14С1203: 1545±67 л.н. Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный произведена с помощью программы OxCal 4.4. Калиброванные значения формируют диапазон 408–645 calAD (96,4%).

Обсуждение результатов

По всей видимости, жилище представляло собой наземное сооружение с углублением внутри. Образование котлована могло быть следствием стремления вывести пол жилища на уровень твердых глинистых грунтов. Но нельзя исключать и вариант, что углубление образовано постоянным процессом выравнивания пола при его износе (чистка и др.). Углубленная часть жилища имела небольшую площадь — около 18 м², при этом какие-либо признаки укрепления стен срубом или другими конструктивными элементами отсутствуют. Вероятно, разница в глубине котлована в его южной и северной частях связана с выравниванием пола жилища в условиях сооружения на береговом склоне. Внутренняя часть жилища, помимо прочего, определялась расположенным по центру котлована открытым очагом. Именно так следует интерпретировать округлый, большой мощности прокол, отличный от следов горения жердей. Об этом также свидетельствует залегание около него фрагментов раннесредневекового сосуда №1.

Наземная часть жилища, судя по всему, представляла собой легкую шатровую конструкцию из жердей. Она могла иметь конусовидную либо многоугольную форму, о чем свидетельствует ориентация остатков сгоревших жердей от стенок котлована к его центру. Площадь основания наземной конструкции была больше площади котлована, о чем свидетельствует расположение остатков жердей за плечиком котлована в северо-западной части. Остатки столбовых ям в «материке» не обнаружены, что означает закрепление наземной конструкции без сильного заглубления в почву. Описанную выше систему из пересекающихся под прямым углом жердей в западной части котлована можно интерпретировать как остатки постоянного коридорного входа, с западной экспозицией в сторону реки. Вероятно, вершина шатровой конструкции имела дымоходное отверстие над очагом.

Расположение изученного жилища на территории более древних поселков периодов ранней и поздней бронзы актуализирует методическую проблему исследования памятников с компрессионным характером культурного слоя. В данном случае это имеет как негативное, так и позитивное значение при археологической интерпретации. Негативное заключается в том, что присутствие в культурном слое фрагментов керамической посуды более ранних периодов палеометалла исключает возможность соотнесения с раннесредневековым комплексом предметов из камня, что может искусственно сузить понимание полноты принадлежащего ему орудийного набора. Позитивный момент в том, что более древние материалы могут служить маркером уровня поверх-

ности, с которого начиналось сооружение жилища. Зафиксированное присутствие фрагментов древней посуды и многочисленных каменных предметов вокруг котлована почти на всей толщине культурного слоя говорит об отсутствии действий по выравниванию поверхности за пределами котлована. Вероятно, наземная часть средневековой конструкции монтировалась вокруг котлована непосредственно на уровне дневной поверхности.

Решение проблемы культурно-хронологической принадлежности позднего комплекса поселения Поморцево-2, впрочем, как и других памятников раннего средневековья верхнеобского бассейна, осложняет длительное сохранение кулайской и посткулайской культурной традиции в регионе, неоднократно отмеченное многими исследователями. Неординарность памятника Поморцево-2 в том, что он содержит остатки сооружения с керамической посудой, представляющего собой закрытый комплекс.

По морфологическим, орнаментально-композиционным и техническим признакам оба сосуда характерны для раннего средневековья Западной Сибири. Несмотря на то что для орнаментальной композиции первого сосуда идентичного декора на территории Кузнецкой котловины нет, наиболее близкая аналогия ему представлена на сосуде из Тимирязевского городища IV в Томском Приобье (Беликова, Плетнева, 1983, с. 220, рис. 85.-3). В орнаментации сосудов сходство выражено в использовании наклепного валика, горизонтальных линий и двойного зигзага, выполненных оттисками гребенчатого штампа, а также в наличии оттисков уголка лопаточки. Единственное отличие: у сосуда из Поморцево-2 «жемчужник», а на сосуде из Тимирязевского городища IV — ямки. В Томском Приобье керамические сосуды, сохраняющие такую же орнаментальную композицию, за исключением отдельных элементов, происходят из Томского курганного могильника, поселений Тимирязевское-I, Кисловка-VII (Беликова, Плетнева, 1983, с. 205, рис. 70.-11; с. 217, рис. 82.-3; с. 235, рис. 100.-4), могильника Чердашный Лог-3 (Березовская, 1997, с. 273, рис. 1.-4; с. 274, рис. 2.-5). Большинство специалистов относят эти памятники к верхнеобской культуре и датируют их V–VIII вв. (Беликова, Плетнева, 1983, с. 118, 127; Троицкая, Новиков, 1998, с. 79–81; Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2008, с. 41). Исключение составляет точка зрения Л.М. Чиндиной (1991), которая видит в них релкинскую культурную традицию. Если обратиться к материалам Новосибирского Приобья, аналогии первому поморцевскому сосуду составляют керамические емкости из могильника Юрт-Акбалык-8, городища Черный Мыс-1, могильника Красный Яр-1 (Троицкая, Новиков, 1998, с. 119, рис. 32.-1; с. 114, рис. 27.-4; с. 119, рис. 32.-15), Крохалевка-23 (Троицкая, 1992, с. 27, рис. 2.-24). Близкую по форме и орнаменту керамику сrostкинской культуры (Седова Заимка) отличает прочерченная техника нанесения орнамента (Адамов, 2000, с. 156, рис. 9.-6, 7; с. 158, рис. 11.-4).

Приведенные аналогии на основе сравнительно-типологического анализа позволяют предполагать, что первый сосуд из жилища Поморцево-2 относится к одинцовскому этапу верхнеобской культуры (V–VI вв.) этапу верхнеобской культуры.

Второй сосуд по морфологическим характеристикам имеет более широкое распространение в культурах раннего средневековья, в частности одинцовской (Кунгуров, Горбунов, 1993), верхнеобской (Троицкая, Новиков, 1998, с. 65), лачиновской (Окунева, 1997, с. 51) и релкинской (Чиндина, 1991). Следует обратить внимание на то, что, не-

смотря на дискуссионность правомерности выделения некоторых культур, их памятники существовали в одном хронологическом диапазоне (V–VIII вв.) на обширном пространстве Верхнего и Среднего Приобья. На наш взгляд, наиболее ранний тип этих сосудов происходит из памятников северного Алтая, в частности из поселения Ушлеп-5, которое исследователи датируют 2-й четвертью I тыс. (Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 101). Это совпадает с началом существования одинцовской культуры, нижняя хронологическая граница которой, по мнению алтайских специалистов, в пределах 2-й половины IV в. (Горбунов, 2019, с. 312).

Что же касается обозначенных признаков жилища как источника для решения проблемы культурной и хронологической принадлежности, то данных недостаточно. К первому этапу раннего средневековья на территории Кузнецкой котловины отнесены четыре поселения: Люскус-2, Курья-2, Кыргай-1, Гурьевское (Илюшин, 2005, с. 82). Достоверность их источников требует самостоятельного критического анализа. Так, для поселений Люскус-2, Курья-2, Гурьевское достоверных сведений о морфологии жилищ нет. В случае поселения Кыргай-1 предложены взаимоисключающие датировки — первоначально оно датировано V–VIII вв., затем была предложена дата XII–XIII вв. (Зиняков, Илюшин, 2017). По крайней мере, А.М. Илюшин (2005, с. 111–112), отнеся их к саратовской культуре (V–XIV вв.), не дает характеристики поселений первого этапа ее развития. На сопредельных территориях жилища этого времени отличаются срубной конструкцией и двускатной кровлей. Но отмечено, что особенностью развития культуры этого времени в котловине являлось отсутствие городищ, многочисленных на территории от Алтая до таежной зоны. Своеобразие сооружения на поселении Поморцево-2 могло быть обусловлено жизненным укладом его обитателей.

Заключение

Впервые для территории Кузнецкой котловины изучено жилище и один из ранних памятников эпохи средневековья. Найденная на поселении керамическая посуда на дне жилища под сгоревшими плахами позволяет определить его принадлежность к верхнеобской археологической культуре. Косвенно этот вывод подтверждает то, что на карте Приобья от предгорий Алтая до южно-таежной зоны местонахождение поселения Поморцево-2 соответствует ареалу верхнеобских древностей среди других этнокультурных объединений раннего средневековья (Бобров, Марочкин, 2017, рис. 1). Полученная дата ^{14}C совпадает с некалиброванной датой также по дереву поселения Ушлеп-5, что позволяет относить нижнюю границу времени существования жилища к V в. Керамика значительно отличается от керамики погребальных комплексов Кузнецкой котловины верхнеобской культуры. Однако преждевременно делать выводы о различиях в морфологии бытовой и ритуальной посуды.

Полученные данные дают возможность реконструировать морфологические и конструктивные особенности представленных на памятнике жилых сооружений. Исследованное одно из них представляло собой наземное жилище конической или многоугольной формы, сложенное из жердей, с входом в виде небольшого тамбура. Внутри жилище имело незначительное углубление подпрямоугольной формы с сильно округленными углами и очаг открытого типа. Поскольку исследованные жилища одинцовского времени в Новосибирском и Томском Приобье связаны с городищами, сравнивать

их с поморцевским жилым сооружением представляется некорректным. Пока остается также открытым вопрос о его типичности и для Кузнецкой котловины.

Проведенные стратиграфические наблюдения позволили выяснить основную специфику культурного слоя на поселении, которая заключается в его визуальной однородности (темно-серая гумусированная супесь) и отсутствии четких границ между слоями, содержащими материалы периодов неолита — ранней бронзы, поздней бронзы. Накоплен опыт исследования средневекового жилища на памятнике с хронологически ранним и разновременным нестратифицированным материалом в слое с целью определения уровня его сооружения.

Проведенный фаунистический анализ костных останков, с учетом достоверной привязки большей части из них к верхнеобскому культурно-хронологическому комплексу, свидетельствует о значимой роли в хозяйстве скотоводства (коневодства).

Научная новизна и значимость материалов и археологических данных поселения Поморцево-2, несмотря на их малочисленность, заключается в том, что на шкале I тыс. н.э. они иллюстрируют хронологическую непрерывность культурно-исторического процесса на территории Кузнецкой котловины после существования фоминской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1983. 246 с.

Березовская Н.В. К вопросу о датировке валиковой керамики в низовьях р. Томи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 270–282.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Этнокультурная ситуация в Кузнецкой котловине и Томское Приобье во второй половине I тыс. н.э. (палеогеографический и археологический аспекты) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск : Д Принт, 2017. С. 111–117.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. На северной границе кочевого мира. Дописьменная история населения юга Западной Сибири раннего средневековья. Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. 204 с.

Горбунов В.В. Одинцовская культура // История Алтая в 3 т. Т. 1. Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та ; Белгород : Константа, 2019. С. 312–322.

Зиняков Н.М., Илюшин А.М. Поселение Кыргай-1 в Среднем Притомье как памятник эпохи средневековья // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 5. С. 35–51.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Изд-во Кузбас. гос. техн. ун-та, 2005. 239 с.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Щербакова А.В., Фальман А.В., Веретенников А.В., Плац И.А., Сизев А.С., Конончук К.В. Новые материалы по археологии Кузнецкой лесостепи и Притомья (по результатам раскопок 2016 года) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 5. С. 77–85.

Окунева И.В. Лачиновская культура // Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. С. 36–64.

Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 101–120.

Троицкая Т.Н. Орнаментация керамики верхнеобской культуры // Орнамент народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 22–35.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.

Ширинов Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (Погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

REFERENCES

Adamov A.A. Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th Centuries. Tobolsk ; Omsk : OmGPU, 2000. 256 p. (*In Russ.*).

Belikova O.B., Pletneva L.M. Sites of the Tomsk Ob region in the 5th–8th Centuries. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1983. 246 p. (*In Russ.*).

Berezovskaya N.V. On the Dating of Valic Ceramics in the Lower Tom' River. In: Actual Problems of the Ancient and Medieval History of Siberia: Collection of articles. Tomsk : Tomskij gos. un-t sistem upravleniya i radioelektroniki, 1997. P. 270–282. (*In Russ.*).

Bobrov V.V. The Kuznetsk-Salair Mountainous Region in the Bronze Age: the Dis. ... Dr. Hist. Sciences. Novosibirsk, 1992. 41 p. (*In Russ.*).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. The Ethnocultural Situation in the Kuznetsk Basin and the Tomsk Ob Region in the Second Half of the 1st Millennium AD (paleogeographic and archaeological aspects). In: Cultures and Peoples of Northern Eurasia: a Look Through Time. Tomsk : D Print, 2017. P. 111–117. (*In Russ.*).

Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., Onishchenko S.S. On the Northern Border of the Nomadic World. Preliterate History of the Population of the South of Western Siberia of the Early Middle Ages. Tomsk : Izd-vo TGPU, 2008, 204 p. (*In Russ.*).

Gorbunov V.V. Odintsovo Culture. In: History of Altai: in 3 Volumes. Vol. 1: The Most Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta ; Belgorod : Konstanta, 2019. P. 312–322 (*In Russ.*).

Zinyakov N.M., Ilyushin A.M. The Kyrgai-1 Settlement in the Middle Tom Region as a Site of the Middle Ages. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» = Scientific Notes of the “Tomsk Pisanitsa” Museum-Reserve*. 2017;5:35–50. (*In Russ.*).

Ilyushin A.M. Ethnocultural History of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages. Kemerovo : Izd-vo Kuzbas. gos. techn. un-ta, 2005. 239 p. (*In Russ.*).

Kungurov A.L., Gorbunov V.V. Medieval Settlement of Ushlep-5. In: Culture of Ancient Peoples of Southern Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. P. 77–80. (*In Russ.*).

Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Shcherbakova A.V., Fal'man A.V., Veretennikov A.V., Plac I.A., Sizev A.S., Kononchuk K.V. The New Archaeological Materials of the Kuznetsk Forest-steppe and Tom Region (by the results of excavations of 2016). *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» = Scientific Notes of the “Tomsk Pisanitsa” Museum-Reserve*. 2017;5:77–85. (*In Russ.*)

Okuneva I.V. Lachinovo Culture. In: Sites of the Early Middle Ages of the Kuznetsk Basin. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. P. 36–64 (*In Russ.*).

Troitskaya T.N. Odintsovo Culture in the Novosibirsk Area of the Ob District In: Problems of West Siberian Archaeology. Iron Age. Novosibirsk : Nauka, 1981, P. 101–118. (*In Russ.*)

Troickaya T.N. Ornamentation of Ceramics of the Upper Ob Culture. In: Ornament of the Peoples of Western Siberia. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1992. P. 22–35. (*In Russ.*)

Troickaya T.N., Novikov A.V. Upper Ob Culture in Novosibirsk Ob Region. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 1998. 152 p. (*In Russ.*)

Chindina L.A. The history of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages (Ryolka culture). Tomsk : Izd-vo TGU, 1991. 184 p. (*In Russ.*).

Shirin Iu.V. The Upper Ob River Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau in the Beginning of the 1st Millennium AD (burial artifacts of the Fominsk culture). Novokuznetsk : Kuzneckaya krepost', 2003. 288 p. (*In Russ.*).

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Бобров В.В.: идея публикации, разработка методики исследования, анализ научной литературы, формирование и редактирование текста статьи, обсуждение результатов.

V.V. Bobrov: the idea of publication, development of research methodology, analysis of scientific literature, formation and editing of the text of the article, discussion of the results.

Ермоленко Л.Н.: анализ научной литературы, формирование и редактирование текста статьи, обсуждение результатов.

L.N. Ermolenko: analysis of scientific literature, formation and editing of the text of the article, discussion of the results.

Марочкин А.Г.: идея публикации, автор раскопок, организация радиоуглеродного датирования, описание материалов, формирование и редактирование текста статьи, обсуждение результатов.

A.G. Marochkin: the idea of the publication, the author of the excavations, the organization of radiocarbon dating, the description of materials, the formation and editing of the text of the article, the discussion of the results.

Щербакова А.В.: подбор и анализ научной литературы по теме исследования, сравнительный анализ керамики, обсуждение результатов.

A.V. Shcherbakova: selection and analysis of scientific literature on the research topic, comparative analysis of ceramics, discussion of the results.

Юракова А.Ю.: описание материалов, дизайн и подготовка иллюстраций, обсуждение результатов.

A.Yu. Yurakova: description of materials, design and preparation of illustrations, discussion of results.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бобров Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, Россия.

Vladimir V. Bobrov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Federal research center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia.

Ермоленко Любовь Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Lubov N. Ermolenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Archaeology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Марочкин Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия.

Alexey G. Marochkin, Cand. Sci (Hist.), Head of the Laboratory of Archaeology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia.

Щербакowa Алена Викторовна, заведующий отделом военной истории Кузбасского государственного краеведческого музея, Кемерово, Россия.

Alena V. Shcherbakova, Head of Military History Department, Kuzbass State Museum of Local Lore, Kemerovo, Russia.

Юракова Алена Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия.

Alena Yu. Yurakova, Cand. Sci (Hist.), Researcher at the Laboratory of Archaeology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023;

одобрена после рецензирования 08.11.2023;

принята к публикации 10.11.2023.

The article was submitted 31.10.2023;

approved after reviewing 08.11.2023;

accepted for publication 10.11.2023.